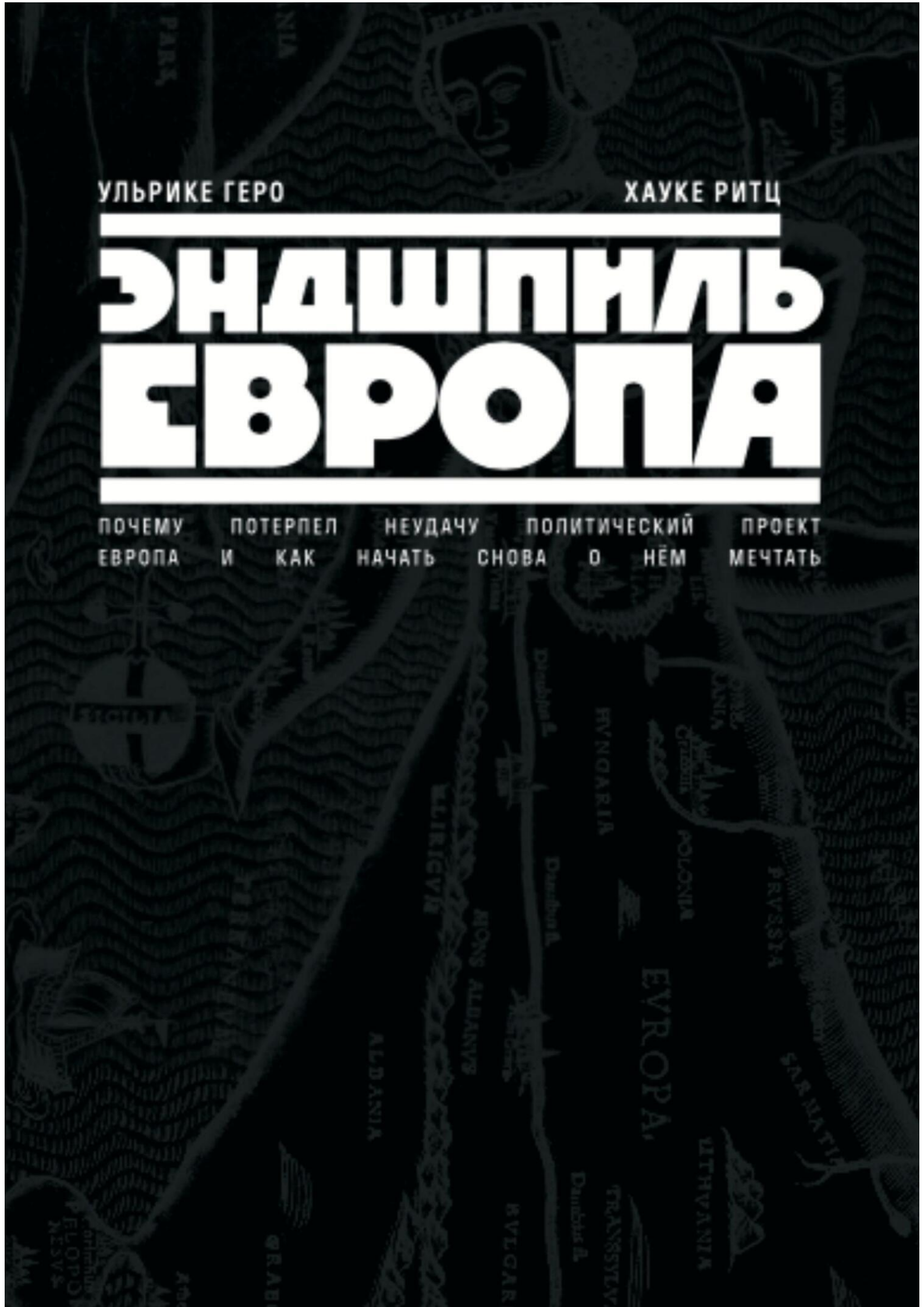

УЛЬРИКЕ ГЕРО

ХАУКЕ РИТЦ

ЭНДШПИЛЬ ЕВРОПА

ПОЧЕМУ ПОТЕРПЕЛ НЕУДАЧУ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ
ЕВРОПА И КАК НАЧАТЬ СНОВА О НЁМ МЕЧТАТЬ

Ульрике Геро

**Эндшпиль Европа. Почему
потерпел неудачу политический
проект Европа. И как
начать снова о нем мечтать**

«Автор»

2024

Геро У.

Эндшпиль Европа. Почему потерпел неудачу политический проект Европа. И как начать снова о нем мечтать / У. Геро — «Автор», 2024

За тридцать лет после Маастрихтского договора Европа потеряла себя политически, культурно и экономически. И эта политика завела Европу в тупик: социальный кризис, раскол Севера и Юга, кризис беженцев, популизм, культурный регресс. Все больше продвигаясь на восток, США вбивали клин между Россией и Европой (от расширения НАТО до вопроса Украины). И как раз военный конфликт на Украине может послужить историческим пусковым механизмом для переосмысления Европы заново. Это приглашение двух немецких интеллектуалов к дискуссии о кризисе в Европе, и о том, куда привела европейцев американская экспансия. Авторы напоминают о том, как много связывало Германию с Россией (еще со времен Екатерины Великой). Веками Европа объединялась культурой, но в последние 50 лет европейская культура все больше интерпретируется США. Авторы считают, что сегодня только Россия обладает потенциалом поставить под вопрос американскую интерпретацию европейской культуры.

Ульрике Геро, Хауке Ритц Эндшпиль Европа. Почему потерпел неудачу политический проект Европа. И как начать снова о нем мечтать

Посвящается Михаилу Сергеевичу Горбачеву (1931–2022) и Жаку Делору (род. 1925)

Я распознал врага, против которого мне следовало бороться, – ложное геройство, охотно обрекающее на страдания и смерть других, дешевый оптимизм бессовестных пророков, как политических, так и военных, которые бессовестно предрекая победу, продлевают бойню, а за ними – хор, который они наняли, все эти «фразёры войны», как их окрестил Верфель в своем прекрасном стихотворении. Кто выражал сомнения, тот мешал им в их «патриотическом деле», кто предостерегал, над тем они насмеялись как над пессимистом, кто выступал против войны, от которой они сами страдали, тех они клеймили предателями. Всякий раз и во все времена это была все та же свора, которая осторожных называла трусами, человечных – хлюпиками, чтобы потом самим впасть в растерянность в час катастрофы, которую они с легким сердцем навлекли своими заклинаниями.

Стефан Цвейг. Вчерашний мир

Предисловие к русскому изданию

Дорогие российские читатели, мы, авторы, очень рады тому, что наша книга «Эндшпиль Европа» (2022) теперь есть и на русском языке. Надеемся, что она сможет внести вклад в то, чтобы связи между Германией и Россией не оборвались полностью. Чтобы, по крайней мере на интеллектуальном, академическом и культурном уровнях, связь сохранилась и через совместные размышления смогла стать исходной точкой для лучших времен.

Для российского читателя книга может быть интересной в двух *смыслах*. Во-первых, из нее вы узнаете кое-что о борьбе внутри Европейского союза за европейский суверенитет.

Узнаете, что мнения и взгляды в Европе вовсе не так уж едины, трансатлантичны и приглажены, как это кажется из России. И что также и в нынешней Европе продолжаются многочисленные дебаты и борьба – в каком направлении следует развиваться ЕС и какую роль играть в мире.

Книга может быть интересна читателям в России и тем, что мы показываем, почему Европейский союз в его нынешней форме, с нашей точки зрения, потерпел неудачу и почему всё более сильная и односторонняя трансатлантическая ориентация ЕС превратилась за последние два десятилетия в трагедию. И, наконец, вы узнаете, что, подписывая в 1992 году Маастрихтский договор, в считанные недели после развала СССР, ЕС предполагал развиваться как политический союз, то есть договор имел первоначально совсем другой смысл. Нынешний упадок и политическое разложение ЕС не были предопределены с самого начала. В конце книги мы излагаем нашу мечту: как европейское развитие могло бы продолжаться в условиях нового партнерства с Россией. Мы считаем, что стремление к объединенной и умиротворенной Европе, живущей в мирном партнерстве с Россией, является слишком сильным, чтобы его можно было просто устранить при помощи теперешней трансатлантической пропаганды. *Среди общественности в Западной и Восточной Европе уже давно существует сопротивление этой пропаганде.*

Поздним летом 2022 года, когда мы закончили эту книгу, в заголовках в Германии доминировала поддержка Украины. На многих административных зданиях и частных домах развевались украинские флаги, и почти все политики или журналисты выражали безусловную солидарность с Киевом.

Для нас же вопрос о солидарности с той или другой стороной не стоял. Мы думали о мире и о том, что Европа должна выполнить свою мирную миссию, которая выражается известным лозунгом «*Nie wieder Krieg!*» («Никакой войны никогда больше!»). Целых 70 лет это было *вестью Европы*, на этом был основан ЕС! Мы помнили об уроке из европейской истории, что все в Европе всегда были одновременно жертвами и палачами, как об этом писал француз Лоран Годе, лауреат Гонкуровской премии, в своем поэтическом эпосе «Европа. Пир народов», маленький отрывок из которой мы цитируем в середине книги. И мы желали бы, чтобы ЕС с самого начала [конфликта] вложился в активную челночную дипломатию ради переговоров и прекращения огня, тем более что, по нашему убеждению, Европа несет очевидную часть ответственности за срыв обоих Минских соглашений.

Но весной и летом 2022 года не проходило ни одной недели, чтобы Европа торжественно не потребовала или не анонсировала новые поставки оружия Украине. Немецкий канцлер или министр иностранных дел заявляли, что «Россия не должна победить на поле боя», хотя некоторые заслуженные немецкие генералы еще на *ранней стадии* говорили, что выиграть эту войну* нельзя.

*

Здесь и далее сохранено используемое авторами обозначение происходящих с февраля 2022 года военных действий (СВО – специальная военная операция) на Украине. – *Прим. перев.*

Уже тогда большая часть немецкого населения была не согласна с действиями политиков и с ужасом наблюдала, как Германия снова движется к конфронтации с Россией. Но политические оценки, заботы и мысли этой части населения не находили никакого отклика в публикациях СМИ, кроме нескольких блогов и интернет-сайтов. Огромный спектр мнений был сослан в приватную сферу, и его можно было выразить только за кухонным столом, да и там очень осторожно.

Обеспокоены были все те, кто еще не забыл, кому Германия обязана своим воссоединением, а именно позднему Советскому Союзу при Михаиле Горбачёве. Это были те, кто еще мог вспомнить о политике разрядки Вилли Брандта и Эгона Бара, Гельмута Шмидта и, наконец, Гельмута Коля и Герхарда Шрёдера. Это были исторически искушенные люди с сознанием уходящей корнями в столетия совместного прошлого (и отчасти бесславной) истории между двумя нашими странами. И это были все те, в идентичности которых заложено, что Германия должна извлечь кое-какие уроки из катастрофы нацистского господства.

Среди них – много восточных немцев, у которых и так другой образ России, нежели расхожий среди выходцев из Западной Германии. И много «российских немцев», составляющих около 5% населения, которые хотя и живут в Германии *как немцы*, но чье сердце еще связано со старой родиной. Среди них также представители немецкой экономики, познакомившиеся с Россией в деловых поездках. Наконец, это все те, кто мыслит самостоятельно и не полагается на мнение каких-то авторитетов. Это многие и многие миллионы людей, как минимум одна четверть, если даже не треть населения.

С тем же феноменом *несогласия* сталкиваешься в отношении несбалансированной трансатлантической направленности Европейского союза. Впрочем, среди стран ЕС была молчаливая и крайне недовольная группа тех, кто еще очень хорошо помнил о первоначальной мечте о единой Европе как политическом союзе, стремившемся к континентальному мирному порядку с участием России – вместо того чтобы в рядах доминантной политической коалиции мнений,

во главе с влиятельными американскими мозговыми центрами, втягиваться – так или иначе – в войну с Россией.

Ключевыми для нас были две темы, оказавшиеся в политическом забвении, но подспудно еще существующие и связанные с двумя датами, – Парижской хартией 1991 года и учреждением ОБСЕ, а также с Маастрихтским договором 1992 года.

Сопряженные, они олицетворяют европейскую утопию после падения Стены и краха СССР. Нашей целью в «Эндшпиле» было как раз соединить эти две темы, поднять их из нынешней невидимости на уровень политического сознания, сделать видимыми для общественности. Это поможет снова и сообща начать строить будущее на европейском континенте.

В итоге появилась эта книга, которая теперь предста-ла и в русском переводе. Мы запла-тили за эту книгу высокую цену. Примерно через неделю после ее публикации Бонн-ский уни-верситет, где работала проф. Ульрике Геро, публично от нее дистанцировался – небывалое событие, не имеющее примеров в новейшей истории немецкой высшей школы.

Книга сразу стала бестселлером и вызвала большие споры.

Но если альтернативные медиа реагировали в основном позитивно, то в немецких веду-щих медиа ее сначала *замалчива-ли*, а затем атаковали. Когда в начале 2023 года проф. Ульрике Геро была под надуманным предлогом уволена из университета Бонна, многие сразу предпо-ложили, что увольнение связано с книгой «Эндшпиль Европа».

Предвидя эти нападки, еще в сентябре 2022 года мы под-черкивали в немецком предис-ловии к этой книге, что она представляет собой *эссе*, цитируя при этом слова философа Тео-дора Адорно, писавшего о трудной судьбе этого жанра:

«„В Германии эссе вызывает противодействие, поскольку напоминает о свободе духа, по причине неудачи уже с лейбни-цевских времен осторожного просвещения... [которое] всегда было готово объявить своим подлинным стремлением под-чинение каким-то инстанциям“. Мы считаем, что сила Европы, а именно способность критиковать и ставить под вопрос саму себя, сможет проявиться снова... и желаем нам открытой и предметной дискуссии по центральным тезисам этого эссе».

Так мы писали около года назад. К сожалению, дискуссия по существу о сбалансирован-ной, эмансипированной и мно-гополярной Европе, которая бы не уклонялась от своей ответ-ственности за международный мир, в Германии до сих пор не состоялась, хотя она медленно начинается по всей Европе, усиливаясь в результате военных столкновений между Израилем и Палестиной, относительно которых ЕС и Европа, опять-таки, еще не сказали своего веского и внятного слова за международное право и мир. И мы тем более будем рады, если эти дебаты будут вестись вместе с нашим европейским соседом Россией и нашими российскими друзьями.

Желаем интересного чтения!

Ульрике Геро и Хауке Ритц

Берлин, ноябрь 2023

Введение

Европейский «Horror Vacui»*

«Сейчас мы видим, что бездна истории достаточно велика для всех».

Поль Валери

Европа, некогда проект мира, находится в состоянии войны. Кто бы мог представить себе такое еще совсем недавно? Хотя ни одно государство из Европейского союза формально еще не является воюющей стороной в «украинско-российской войне», происходящие там боевые действия уже много месяцев доминируют в новостной ленте, политике и общественных про-

пессах по всей Европе. Обсуждается, а отчасти даже форсируется активное вмешательство в войну государств ЕС в рамках НАТО уже этой осенью [2022 г.]. В Великобритании через прессу уже готовят военнотружущих и их родственников к вмешательству.¹ Британская премьер-министр Лиз Трасс не моргнув глазом заявляет, что готова «нажать на ядерную кнопку»². Анналена Бербок радуется тому, что немецкие дети говорят о НАТО за завтраком³, а «усталость от войны» считается моральным проступком. Тех, кто говорит о мире или призывает к переговорам, быстро объявляют «люмпен-пацифистами». Какое предательство самой сущности Европы!

Ведь на протяжении семидесяти лет «Европа» означала – *большие никаких войн!* И «люди – братья меж собой»⁴! Эти строки из «Оды к радости» Фридриха Шиллера, положенной на музыку Людвигом ван Бетховеном, теперь являются «Гимном Европы». Как часто за последние семьдесят лет эта симфония исполнялась на всевозможных европейских праздниках?

*

Horror Vacui (лат.) боязнь пустоты. Здесь и далее в постраничных сносках даны комментарии переводчика, если не указано иное. – Прим. перев.

*** Рус. перев. И. Миримского.*

Но допустимо ли вообще еще считать *этих русских (die Russen)* за людей? В то время как на каждом балконе висит синий европейский флаг с двенадцатью желтыми звездами, а ЕС должен был бы созвать европейскую мирную конференцию, Европа в настоящее время без колебаний встает на сторону единой украинской нации, которая в этой форме [как «единая» (geeinte)] никогда не существовала и до сих пор не существует, но, как и все нации в Европе, является мультинациональным и мультиэтническим продуктом истории, одним из «воображаемых сообществ», преодоление которых Европа поставила себе целью в прошлом веке. А как же Петер Шолль-Латур, который на протяжении десятилетий комментировал на немецком телевидении военные события по всему миру и который, отвечая на вопрос об украинском Майдане 2014-го, первым предложением сказал: «Не было принято во внимание то, что Украина – не единая страна»⁴, – бороться и мерзнуть за которую, чего бы это ни стоило, сегодня подстрекают Европу.

Этимологически «Украина» означает что-то находящееся на границе. В истории Крым всегда был либо османским, либо русским, а Киев, один из древнейших городов Европы, именуется в летописях «матерью городов русских». Одесса позже стала культурным и религиозным плавильным котлом, как и большинство европейских городов, будь то Прага, Триест или Вена. Галиция, Западная Украина, то есть Лемберг [Львов], до 1918 года принадлежала Габсбургской империи. А «единая украинская нация с антирусской идентичностью» – это рассказ последнего десятилетия, финансируемый большими американскими деньгами.⁵

То, насколько быстро *мирный проект Европа*, ЕС, с февраля 2022 года при помощи баснословной военной пропаганды превратился, словно в цирке, в арену для «кругового обмена тяжелым вооружением», может только ошарашивать, возмущать и удручать одновременно. Уже полгода как Европа, потрясая воинственно и пренебрежительно к истории, рвется в эту войну: *русский вернулся!* – как если бы Европа только и ждала какого-нибудь врага, чтобы наконец объединиться.⁶ «Воевать» снова модно, особенно в устах тех политиков или журналистов, которые никогда бы не отправили своих детей на войну. Говорится почти исключительно о «военной победе», опять говорят об «империализме» и «зонах влияния»: здесь – американские, там – русские. В приливе политического возбуждения говорят, что Европу теперь нужно защищать в Киеве, как когда-то – на Гиндукуше. Словно Европа решила еще раз задействовать все элементы военной пропаганды, что применительно к Первой мировой войне описала в своей книге бельгийский историк Анна Морелли⁷. Куда ни посмотри, везде экзальтированная

проукраинская позиция, полная демонизация противника, низведение врага до одного человека (Путин), отсутствие контекстуализации, строгое деление на Добро и Зло, негодующий отказ признавать за собой часть ответственности, мораль вместо геостратегии, во всех ужасах виноват только противник, мы сами отстаиваем благородную цель, а не какие-то интересы, только враг совершает зверства, собственные ошибки случаются непреднамеренно, враг применяет запрещенное оружие, а всякий, кто сомневается в нашем освещении событий, предатель, в данном случае – «*Russlandverstehher*», «со-чувствователь России», или что-то подобное. Психодинамика поджигателей войны напоминает 1914 год.⁸ Европа в полной регрессии!

Между тем на момент написания этих строк, в середине сентября 2022 года, ежедневные потери (из-за гибели или ранений) составляли не менее 1000 солдат, большинство из которых – украинцы.⁹ Информационная утечка документов украинского правительства, датированных 21 апреля [2022], позволяет предполагать даже более высокие цифры потерь.¹⁰

Иногда потери в одной бригаде оказываются настолько велики, что оставшиеся солдаты просто дезертируют. «*Месье Президент, я не хочу воевать, на земле этой я не затем, чтоб простых людей убивать*, – так пел великий Борис Виан в феврале 1954 года. – *И если угодно Вам пролить кровь — проливай-те свою, месье Президент!*» Кто вообще еще знает эту песню?

А она ведь – европейское «место памяти»!

Анахроничная война, ведущаяся с применением тяжелого оружия, но в эпоху беспилотников, кибер- и *нейрологиче-ских войн*¹¹, война за «национальные границы», в эпоху стирания границ, однако, похожа на войну из прошлого века, по крайней мере в Европе.¹² Реликт из времен до 1949 года, теперь восстающий вновь, словно демон. Европа издавна оказывалась территорией – если не сказать полем боя – мировых войн. Обе мировые войны прошлого столетия начались в Европе. Военные кладбища от Вердена до Риги на-поминают нам: *Ce que nous partageons, c'est d'avoir été, chacun, bourreau et victime*. «Нас объединяет то, что все мы были одновременно и палачами, и жертвами», – пишет Лоран Годе в своей великолепной эпической поэме «*L'Europe. Banquet des Peuples*». И что – мы хотим начать это снова?

Всё безрассудство внеисторического способа рассмот-рения этой войны проявляется уже в почти мантрообразном акцентировании «русской агрессии» 24 февраля [2022] – как если бы эта война вдруг свалилась с неба именно в тот самый день.¹³ С конца февраля европейским телезрителям внушали, что актуальная украинско-российская война, которая на осень 2022 года грозит сорваться – с колоссальным ущербом для Европы – в *прокси-войну* НАТО против России, началась именно и только в этот день. И что есть лишь единственный ее виновник – Путин. С которым, мол, невозможно говорить и которого поэтому должно разгромить военным путем.¹⁴ Что толкает Европу на это историческое самозабвение, даже на самовредительство? Ведь защищают в этой войне национальное государство, хотя Европа должна была стать *пре-одолением классического национального государства*. А то, что декларируется как «защита европейских ценностей», является по существу их перверсией: «война за национальное государство» – это лексикон прошлого века, «тридцатилет-ней войны с 1914 по 1945 год» (Филипп Блом), когда воевали за Эйпен-Мальмеди, Эльзас, Силезию или Восточную Пруссию. А что сегодня – за Донбасс и за Крым? К чему это выпадение в ХХ век, если ЕС как крупнейший мирный проект ХХ века хотел как раз извлечь уроки именно из этого опыта и вместить все свои государства и народы в русло общеевропейского мирного порядка? «Путин» может и был спусковым крючком актуального безрассудства европейской политики, ее основанием или даже поводом, но как ответ это не подходит. Поскольку «Путин» отвлекает от главного! А главное в том, что оба больших европейских проекта, дававшие в 1989 году, в конце холодной войны и мнимом «конце истории» (Фрэнсис Фукуяма)¹⁵, надежду на преобразование европейского континента, потерпели неудачу. И виноват в этом не «Путин», а только сама Европа, захотевшая

уютно и пренебрежительно к истории об-устроиться на «Западе», которого давно уже больше нет¹⁶, вместо того чтобы после 1989-го работать над своей эмансипацией.

Одним из тех больших европейских проектов в момент падения Стены в 1989-м был «*Ever Closer Union*», *всё более тесный союз* [европейских народов], скрепленный Маастрихтским договором 1992 года. Европе предстояло стать политическим союзом и федерацией. Речь шла о европейском федеральном государстве (*Bundesstaat*). Другой проект – это выстраивание кооперативного континентального мирного порядка, того самого «европейского дома от Лиссабона до Владивостока», о котором постоянно говорил Михаил Горбачёв. Именно Михаил Горбачёв, который подарил Германии воссоединение в тот самый исторический момент, когда Гельмут Коль дал обещание, что германское и европейское объединение – две стороны одной медали.

Этот *всё более тесный Европейский союз* до сих пор, по прошествии уже тридцати лет, так и не состоялся. Его воплощение провалилось. ЕС является в лучшем случае лишь фантомом этой объединенной Европы, как это описал Режис Дебрэ в своем блестящем эссе¹⁷ еще в 2019 году. И потому нынешняя война на Украине и вокруг нее – это не просто очередная кровавая война. Она также и прежде всего – разрушение политической Европы как идеи!

В 1990-х еще предпринимались усилия продвигать эту политическую Европу, но они иссякли самое позднее после попытки принять европейскую конституцию в 2003 году. На новую попытку конституции так и не решились. Процессы углубления и расширения ЕС, которые в 1990-х годах еще продумывались как сопряженные, с 2004 года разошлись в разные стороны. Расширению ЕС на восток посчастливилось состояться, но так называемое углубление или демократизация ЕС до сих пор так и не удалась. От тех проектов 90-х годов в 2002 году остался евро, который, впрочем, без политической крыши и европейских социальных политик стал

тройным конем неолиберализации Евросоюза.¹⁸ Затем, после 2008 года, политически не объединенный и институционально хрупкий Евросоюз попал в водоворот банковского кризиса, спровоцировавшего десятилетие европейских кризисов, от которых ЕС до сих пор не оправился и, вероятно, уже никогда не оправится. События с 2010 года по сегодняшний день в свободной последовательности: насаждение политики жесткой экономии, разделение Европы на север и юг; левый популизм на юге, правый популизм на севере, кризис с беженцами, популизм и национализм, далее Брексит в 2016 году плюс регионализм в Шотландии и Каталонии; социальный раскол невиданных прежде масштабов по всей Европе, после – полуавторитарная «ковидная политика» ЕС, а теперь снова горячая война. Прекрасная Европа, где ты? Европа как политический проект ныне распускается, словно вязаный свитер, как если бы кто-то с головкой вокругительной поспешностью вытягивал из него нить. Безумцем кажется тот, кто всё еще хочет защищать ЕС в публичных дискуссиях. Политики всех мастей во всех странах ЕС давно уже сбросили это дело со счетов. Будь то АдГ, Марин Ле Пен или австрийская партия свободы (FPÖ) – все они уже давно отделивают *фантомную Европу*, технократически застывший ЕС, не иначе как молотом и зубилом. Некрологи ЕС уже написаны¹⁹ – но никто особо не скорбит. Манифестации «Пульс Европы» – помните их? – давно пропали с улиц.

Европейские граждане пребывают в безграмотности относительно истории. Повсюду царит колоссальное забвение истории. *Ever closer Union*, «всё более тесный союз», – о чем это сегодня? Жак Делор, Гельмут Коль и Франсуа Миттеран – все они в прошлом, *tempi passati*; их тогдашние амбиции и планы относительно ЕС ныне – лишь мечты и накипь былого. Однако тоска по другой Европе, устремленность к миру, кооперативному сотрудничеству, европейской солидарности, устремленность к изначальной идее Европы по ту сторону национализма – эта идея для многих по-прежнему несокрушима. Вместе с тем становится всё более очевидным, что ЕС больше не соответствует этому стремлению! Континентальный, федеративный мирный

порядок, этот второй крупный европейский проект 1989-го, постигла та же судьба, хотя приложенные к нему усилия были столь же велики. Предполагалось, что уже в ноябре 1990 года европейские вехи будут проставлены по-новому. В Парижской хартии для новой Европы формулируется призыв к СБСЕ, Со-вещанию по безопасности и сотрудничеству в Европе, главному совещательному механизму политики разрядки, внести регулирующий вклад в свершение происходящих в Европе исторических перемен и в преодоление новых вызовов безопасности в эпоху после окончания холодной войны. Первым выражением этого стал Договор об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) 1991 года.*

Но и эти усилия не получили последовательного продолжения за последние тридцать лет. И сегодня мы сидим на руинах былой европейской восточной политики. Давно отправившись в шреддер сошедшие на нет еще в 1990-х идеи того же Бруно Крайского, как и Улофа Пальме, Герберта Ве-нера, Эгона Бара или Вилли Брандта. Как мы покажем в этом эссе, российско-американская распря за Европу началась еще в 90-х годах. Уже тогда у США были другие представления относительно *Europe whole and free*, нежели у многих в Европе. После расширения ЕС на восток в 2004 году баланс сил между Восточной и Западной Европой нарушился. Конкурирующие европейские культуры памяти боролись за внешне-политическую ориентацию ЕС. Европа больше не мыслилась «континентально», но лишь как «западная». *L'Europe est russo-americain*, «Европа одновременно и американская, и русская», – поет Дамьен Саез в своей пес-не *Mon Européenne* («Моя Европа»), своего рода лирическом посвящении европейскому континенту.

* «Парижская хартия» была принята на саммите глав государств и правительств государств – участников СБСЕ в Париже (19–21.11.1990) – <https://www.osce.org/ru/mc/39520>; договор ДОВСЕ окончательно вступил в действие в ноябре 1992 г. – *Прим. перев.*

Однако «проклятие Советского Союза», «ужасы Сталина» и «ГУЛАГ» Александра Солженицына легли тенью на восток Европы, все контексты и достижения Советского Союза отрицались. Западный кредит доверия в 1980-х и 1990-х годах в отношении перестроечной России, дух «гласности», питавшие восточную политику Запада, не нашли благодатной почвы на европейском востоке – да ему бы и не позволили ее найти. США обладали культурной гегемонией над Европой и щедро финансировали европейскую безопасность. В поворотный момент 1989-го блеск этого западно-атлантического лака и определил притягательность США для Восточной Европы. Взгляду восточных европейцев на Россию, потрясаемую тогда трансформационными процессами, открывалась сплошная пустошь, вдобавок отягощаемая ужасными воспоминаниями о советском гне-те, но и принуждением подстраиваться под Запад. Импульс к отстаиванию своих собственных европейских интересов в отношениях с арабским миром и Россией, еще осязаемый при Герхарде Шрёдере и Жаке Шираке, после расширения ЕС на восток в 2004 году окончательно угас и на Западе.

При Ангеле Меркель в Германии и Николя Саркози и, далее, Франсуа Олланде во Франции внешняя политика европейского тандема постепенно стала выправляться по миро-воззрению США, согласно которому после падения [Берлинской] стены мир стал однополярным. В Вашингтоне считали, что отныне уже нет реальной нужды в классической дипло-матии, основанной на взаимном учете интересов и ком-промиссах между разными государствами и культурами.

К тому же самое позднее с кампании продавливания начала переговоров о вступлении Турции в ЕС в 2004 году, США всё более бесцеремонно влезали во внутренние дела ЕС20 – как экономически, так и геостратегически. Подходы политики разрядки – европейские уроки двух мировых войн – были отброшены. На смену им пришло неоконсервативное разделение мира на «друзей» и «врагов», «демократию» и «дикта-туру», «добро» и «зло», а также радикальное

американское «продвижение демократии» (*democracy promotion*) и «госу-дарственное строительство» (*state building*) на Ближнем Востоке – конечно, «во имя добра». Проект «За новый американский век» (*Project for the New American Century*), влия-тельный аналитический центр в Вашингтоне, руководимый публицистом Робертом Каганом, крепко держал в своих руках прерогативу на интеллектуальное толкование геостра-тегических решений по Европе: именно туда стекались в начале нулевых новые элиты из *New Europe*, то есть Восточной Европы. До этого Роберт Каган заявил, что европейцы – с Венеры, а США – с Марса.²¹ И что у европейской Венеры, мол, нет других шансов, кроме как служить американскому Марсу – даже через десять лет после 1989-го. Эмансипиро-ванная Европа? В этом нет нужды...

Эта скрытая угроза – своего рода американский свисток «*к ноге!*» – была необходима, поскольку на рубеже тысячелетий построение кооперативного мирного порядка между Европой и Россией начало приносить первые плоды. Например, в Германии последовательно росли симпатии к России, тогда как симпатии к США и атлантизму параллельно уменьшались.

Американские «мирные дивиденды», накопленные за период холодной войны, иссякли. Война в Ираке оставила свой след. По результатам проведенных в 2004 году опросов, поддержка атлантической ориентации составляла в Германии лишь 53%, в Польше 47%, а во Франции даже 41%.²² *Standing ovations* Путину в бундестаге 25 сентября 2001 года, тогда как американцы немногим позже [в марте 2003 г.] вторглись в Ирак. Кто теперь «добрый», а кто «злой» – в общественном восприятии всё менялось местами. И это не могло понравиться США: вновь привязать к себе Европу и подорвать политическое освобо-ждение Европы стало американской стратегией. В красивой упаковке, конечно: *If only the US and Europe work together, the world is a better place* [«если только США и Европа будут работать вместе, мир станет лучше»], – но всё более пропитано евро-американской конкуренцией. Хотите ЕС, расширен-ный странами европейского востока, с евро в качестве новой мировой валюты, объединенный вокруг европейской конституции, да еще находящийся в хороших отношениях с Россией и на пути к кооперативному евразийскому мирному порядку?

Ну, мечтать не вредно...

Идея «единой и свободной Европы» (*Europe whole and free*) угасла на рубеже тыся-челетий так же быстро, как была провозглашена десятью годами ранее. Европа всё больше теряла свою самостоятельность²³, сначала духовную и культурную, а затем и фактическую, то есть политическую, гео-стратегическую и экономическую. Сегодня ЕС уже не может обес-печить даже свои самые базовые интересы, а именно энергетическую и продовольственную безопасность, несмотря на внутренний рынок и евро. Война разрушает мечту о единой и мирной Европе, которая преодолела бы раздели-тельные линии двух мировых войн и холод-ной войны с ее железным занавесом и могла простираться от Лиссабона до Владивостока, от Шербурга до Санкт-Петербурга. Разрушила мечту об умиротворении этого «санитарного кор-дона» (*cordon sanitaire*), постоянно оспариваемой войнами буферной зоны, простирающейся, приблизительно (*grosso modo*), от Гдань-ска до Загреба через Карпаты и дальше на восток, – этого своего рода «европейского Средиземья», населенного таким множеством этносов, мень-шинств, культур и религий, столь смешанных и проросших друг в друга, что на протяжении веков там нельзя было провести четких национальных границ.

Эти области исторически редко имели четкую государственность, а сегодня иногда всплывают в новостях как места «за-мороженных конфликтов», например Приднестровье или Абхазия, чьи территориально-государственная принадлежность или региональная автономия всегда были предметом спора.

Идея умиротворения всех этих многочисленных областей под зонтиком континенталь-ного, конфедеративного порядка и обеспечения их безопасности в обмен на нейтралитет сей-

час в очередной раз терпит неудачу при том, что Украина становится плацдармом развертывания евразийских планов США и острием копья НАТО в Европе.

Украинцы должны были бы первыми восстать против этого трагического злоупотребления их территорией, против их вопиющей инструментализации со стороны США. Но вместо этого Олена Зеленская позирует для «Vogue», а ее муж, президент государства, обращается к публике на вручении премии «Грэмми». Что еще нужно, чтобы говорить об идеально инсценированной войне, почти готовой для экранизации? Американская «военная солидарность» с Украиной в лучшем случае лицемерна. Дело в том, что США не просто поставляют Украине оружие. Украине придется, несмотря ни на что, оплатить эти патроны и ракеты.²⁴ В результате у Украины возникнет огромная задолженность, которая даст США политическую власть над Украиной после войны. Может ли Европа желать такого американского вассала в своих рядах?

Украинцам следовало бы умолять европейцев о том, чтобы их *beauté ukrainienne*, украинская красота и разнообразие, которые воспевают Дамьен Саез, расцвели при конфедеративном порядке, вместо того чтобы, будучи вооружаемыми до зубов, защищать новую натовскую границу и влачить культурное и экономическое существование на самой восточной оконечности «Запада», которое, вероятно, будет столь же жалким, как это было в Баварском лесу, когда граница с ЧССР всё еще была железным занавесом. Однако вместо того, чтобы в ужасе схватиться за голову от очередного извращения европейской идеи, Европа заглушает свою континентальную боль, опрометчиво поддерживая одну из сторон в войне, которая хотя еще не является европейской, однако уже опустошает европейскую территорию и слепо потворствует расколу собственного континента.

Континентальная, федеративная мечта представляет собой давнюю и вполне реалистичную константу как немецкой, так и французской послевоенной политики, над которой еще работали в XX веке. Легендарными стали поездка Шарля де Голля в Москву в 1966 году и его изречение при выходе из самолета в Москве: *великий народ Франции приветствует великий русский народ!* Франция и Германия, сегодняшний европейский тандем, постоянно состязались за благосклонность Москвы и за большую близость к ней. Брест-Литовск, Рапалло или пакт Гитлера–Сталина – вот названия мест памяти о «французской травме»²⁵, когда Германия в одиночку, без Франции и без Европы, открывалась на восток. К установлению европейского мирного порядка, который включал бы Париж и Москву, в XX веке стремились Вилли Брандт и Эгон Бар, как реалистичный вариант его рассматривали Гельмут Коль и Хорст Тельчик, а Герхард Шрёдер предпринял последнюю попытку его осуществить. Если бы эта мечта реализовалась, она имела бы потенциал обеспечить европейский и континентальный мир и благосостояние на поколения вперед.

Двум этим великим планам Европы, а именно политическому союзу и континентальной конфедерации, как раз исполнилось тридцать лет. Всего тридцать лет! Но в этом, 2022 году никто не праздновал тридцатилетие Маастрихтского договора или Парижской хартии, просто потому что праздновать нечего. Европа потерпела поражение, она проиграла свою эмансипацию. Еще в 1994 году Петер Слотердайк написал в эссе о Европе²⁶, возможно, одном из лучших, «Если вдруг Европа проснется», что Европа изобрела и коммунизм, и капитализм, но лишь для того, чтобы затем вынести оба этих общественных эксперимента вовне: один в Советский Союз, а другой в США. В то время как обе эти вынесенные вовне европейские идеи превратились там в конкурентов и в конце концов столкнулись друг с другом, европейский путь может, по Слотердайку, заключаться лишь в чем-то Третьем, в политической эмансипации Европы. В этом тексте чувствуется атмосфера подъема, характерная для Европы того времени. Однако до сих пор Европа так и не эмансипировалась политически.

И теперь она уже не может или не хочет высвободиться. Теперь Европа – политически, экономически и геостратегически – представляет собой уже *tertium non datur*, несущее

ствую-щее Третье. Как политическое и культурное тело Европа имеет восточное и западное крыло: Россию и США. Однако – как политически самостоятельная, но открытая к ним обоим – сейчас эта Европа находится на краю могилы. Потому что лишь на одном атлантическом крыле Европа лететь не может.

Европа как обрубок

Самая старая карта Европы 1534 года: *Europa Prima Pars Ter-re in Forma Virginis* («Европа, первая часть земли, представленная как дева») – изображает величественную женскую фигуру, иллюстрирующую весь европейский континент. Испания – ее голова, увенчанная короной. Франция – грудь, Германия – сердце, Великобритания свободно примыкает к левому плечу, Италия – правая рука. Далее на животе Европы, и ниже, свободно и без четких границ располагаются Польша, Болгария, Албания, Румыния и Россия, то есть все европейские народы. Карта заканчивается пышно расходящимся подолом платья за Москвой на севере и у Босфора на юге. Европа твердо стоит двумя ногами на российском массиве суши, склоняя свою голову над Атлантикой. Наверняка люди что-то имели в виду с этой картой 1534 года, не поставив ноги Европы на воды Атлантики. Эту Европу сейчас добивают. Нынешняя политика Запада в войне на Украине в основном направлена на то, чтобы снова возвести былую стену «железного занавеса» 1989-го примерно в 1500 километрах дальше на восток. Тем самым Европа катапультируется обратно в XX век, на этот раз без плана Маршалла, но с подпиской на «целевые в два процента» для НАТО, то есть с обязательством всех государств ЕС на длительной основе выделять два процента своего бюджета в пользу НАТО. Де-факто это равносильно окончательному захоронению независимой европейской политики в области безопасности и обороны (ЕПБО), которая, несмотря на десятилетия намерений, начиная с Маастрихтского договора 1992 года, так и осталась лишь мыльным пузырем.

Возвращаясь к образу на карте: теперь Европа рассечена ниже ее пупка, по самой утробе, и превращена в какой-то европейский обрубок. От Балтийского моря до Черного снова цементируется жесткая граница между двумя блоками, которую после 1989-го считали уже стертой. И у этого европейского полуострова, отрезанного от России и Азии, не будет никаких шансов в соперничестве держав. Европа не станет «вторым миром» между «Кимерикой», что еще десять лет назад американо-пакистанский автор Параг Ханна описывал как приемлемый для Европы вариант.²⁷ С Соединенными Штатами в качестве регулирующей силы Европе не стать стабильной политической единицей и не обрести конфедеративного мира на континенте. А без сибирского сырья и китайского рынка не будет и долгосрочного благосостояния для Европы. Речь здесь идет не о демонизации США, а об эмансипации Европы.

Европейский обрубок, который сейчас отделяют, и раньше уже был довольно безжизненным. Какая-либо энергия, направленная на политическое объединение Европы, рассеялась еще задолго до начала российско-украинской войны. ЕС как политический проект уже страдал от множественных отказов органов. А обрубок истекает кровью. Именно в этом – а не в триумфальной «защите своих ценностей», о которой сегодня трубят повсюду, – заключается положение Европы.

Поэтому выдвигать войну, а точнее, некоего врага, в качестве аргумента за объединение Европы отдает чуть ли не цинизмом и является предательством фундаментальной миссии Европы: *мир, единство в многообразии, международное сотрудничество и федеративный мирный порядок*. То, что мы сегодня переживаем, – это не защита европейских ценностей, а их самозабвенное отрицание!

А та хамская восторженность, местами чуть ли не воровская радость от того, что снова есть враг, лишь маскирует европейский провал. Именно потому что ЕС срочно нуждается в виноватом, чтобы переложить на него свою ответственность, когда политический ущерб,

вызванный европейскими просчетами, и издержки войны для Европы и ее граждан станут очевидными, причем астрономически высокими, что про-сматривается уже сегодня. И тогда, уж конечно, захочется за-лепетать: *Нет, мы здесь ни при чем, это всё Путин!*

Таким образом, вопреки господствующему нарративу, в этом эссе мы аргументируем следующее: нынешняя европейская политика должна немедленно изменить курс, чтобы Европа отошла от своего колоссального самовредительства и не предпринимала никаких необратимых стратегических решений – по отделению от России и Китая, увеличению зависимости от США, – которые причиняют европейскому континенту фундаментальный и долгосрочный ущерб и на десятилетия отдалают его от *собственных* целей, а именно от политического союза и континентального мирного порядка. Нет никаких причин для того, чтобы Европа в XXI веке повторяла свою историю XX века! И если целью НАТО в XX веке было, по знаменитым словам лорда Исмея, «to keep the Russians out, the Americans in, and the Germans down» («удерживать русских снаружи, американцев – внутри, а немцев – внизу»), то в XXI веке ее, возможно, следует переформулировать: *Keep the Americans out, the Russians in and lift Europe up* («удерживать американцев – снаружи, русских внутри, а Европу поднять наверх»)?

В трех нижеследующих главах, которые, соответственно, посвящены 1990-м, 2000-м и 2010-м годам, мы в общих чертах обрисовываем, как и почему Европа за последние тридцать лет упустила из виду то, чем она собственно хотела стать, а ЕС как политический проект, не позднее чем с начала 2000-х, потерял свой шанс. С опорой на американские источники мы делаем вывод, что российско-украинская война – это давно готовившаяся американская прокси-война, апофеоз десятилетий американской геостратегии, собственной целью которой является укрепление американского доминирования в Европе. А чтобы преуспеть в этом, следует отрезать Европу от ее экономических артерий на Востоке, от материковой массы, на которой стоят ноги Европы. Это политика «*restricted damage*», контролируемого, но преднамеренного нане-сения экономического ущерба, которая направлена в первую очередь на срезание положительного сальдо торгового баланса Германии, зарабатываемого на востоке.²⁸ США используют Европу экономически и стратегически, причем она не должна, на взгляд американцев, эмансипироваться и в результате, возможно, стать конкурентом давно недомогающей мировой державы, страшящейся собственного заката. Пред-ложенный нами анализ основывается на желании добиться объединения Европы и континентального мирного порядка, который мы более подробно рассмотрим в заключительной части этой книги. Этим эссе мы хотим способствовать вызво-лению Европы из состояния вытеснения и отказа себе в своем *собственном!* Дело идет о последнем шансе европейской эмансипации!

Часть I. Европейские мечты 1990-х

«*Man muss Europa eine Seele geben*».
Jacques Delors*

«Конец истории» 1989 года глазами Европы и США 1989 год: падение Берлинской стены, танцующие люди в Берлине, фейерверки, свобода. Стена открылась и останется открытой, длившаяся с 1949 по 1989 год холодная война закончилась. Сногшибательный момент новейшей истории, по-настоящему поворотный, «[позволим] Европе быть целой и свободной» (*Europe whole and free***), Европа врывается в мир, политическое конституирование Европы. Переговоры «два плюс четыре», германское воссоединение семимильными шагами, Гельмут Коль обещает, что объединение Германии и Европы – это «две стороны одной медали». И потому 1989-й и 1992-й – это одна и та же историческая секунда: через заключение Маастрихтского договора в 1992 году ЕЭС, Европейское экономическое сообщество, становится Евро-

пейским союзом. Дается клятва «всё более тесного политического союза», планируется введение единой валюты. Европа на полных парах движется к своему единству! Но едины ли США и Европа в отношении того, что должно происходить в Европе после 1989-го? К сожалению, нет! В 1989 году Европа и Соединенные Штаты жили и мыслили в двух различных реальностях: Соединенные Штаты – в имперской, рассчитанной на глобальное господство, европейцы же – в континентальной, в момент 1989-го направленной на европейский мирный порядок.

*

«Europee нужно дать душу». Жак Делор.

** *U.S. President George H. W. Bush in a speech on May 31, 1989 (Mainz, West Germany).*

Ужасы Первой и Второй мировых войн, той «второй тридцатилетней войны» с 1914 по 1945-й, помноженные на кошмар Холокоста кое-чему научили Европу относительно разрушительной силы имперских амбиций. В Европе уже после 1918-го, но не позднее 1945-го, было известно, что сила, примененная к другим, может, обернувшись, ударить по применившим ее. Что нельзя безнаказанно угнетать другие культуры и народы. Европа заглянула в бездну бесчеловечности. «Никакой войны никогда больше» — стало европейской мантрой. Европа как «мирный проект» – после 1989-го также и на Востоке.

После многотрудных усилий по восстановлению, приложенных после 1945 года, в Европе, прежде всего, стремились к гражданской цивильности (Zivilität)¹. Европа мыслилась и понималась европейцами как мирный проект. Немецко-французская дружба рассматривалась как модель постепенного снятия всех линий разделения на континенте, и ее основные принципы предполагалось после 1989-го распространить и на европейский восток.² Об этом свидетельствует декларация, подписанная совместно федеральным канцлером Гельмутом Колем и советским генеральным секретарем Михаилом Горбачёвым 13 июня 1989 года. В сущности, каждая фраза этого заявления свидетельствует о желании этих государственных деятелей того времени повторить достижение по примирению и германо-французской дружбе уже применительно к Германии и Советскому Союзу. В этом документе записано: «Европа, больше всего пострадавшая от двух мировых войн, должна дать миру пример прочного мира, добрососедских отношений и конструктивного сотрудничества [...]» Мы «считаем это своей первоочередной задачей [...], опираться на исторически сложившиеся европейские традиции и тем самым способствовать преодолению разделения Европы».[³] Осуждалось стремление к военному превосходству и подчеркивалось, что безопасность может существовать только в неделимой форме.

Описывался будущий порядок безопасности, в котором через взаимный контроль гарантировалось бы, что все армии имеют только оборонительный, но не наступательный потенциал.

Возможность войны должна была быть фактически исключена. Институциональная переплетенность, экономическое сотрудничество и система договоров, структурно исключаящих войну, – такова ведущая европейская идея с 1945 года!

Американское высокомерие

Но Соединенные Штаты смотрели на Европу 1989 года совсем по-другому. Им было безразлично, объединится ли Европа, вернется ли континент к своим традициям или нет. Падение Стены и окончание холодной войны они рассматривали не в перспективе объединения Германии и Европы, а как победу своей империи над ее единственным равным конкурентом – Советским Союзом. Там, где европейцы мечтали о европейском единстве и преодолении войны, США прежде всего думали о последствиях падения Стены для политической власти. Почти одновременно с этим «падением» американско-японский философ Фрэнсис Фукуяма выдвинул тезис о «конце истории»: в будущем будет только одна цивилизационная модель, поскольку конкурирующая советская цивилизация теперь исчезла. Тем самым созданная США

после Второй мировой войны либеральная культура, включая Голливуд и поп-культуру, становится-де единственной моделью высокоразвитой цивилизации для всего мира. Фукуяма провозгласил наступление мира, в котором больше не будет насущным вопрос конкуренции между идеологиями и общественными моделями. Вместо этого американская цивилизация обретет глобальное присутствие как неоспоримая манифестация современности и прогресса и предстанет как «естественный порядок».

Книга Фукуямы оказала огромное воздействие, но редко какая книга оказывалась настолько ошибочной. Тем не менее вера в нее была неколебимой: Запад полагал себя находящимся в конце истории⁴, отныне и навечно на стороне Добра. Высокомерный и миссионерствующий Запад⁵ собрался – не в первый раз в истории – предложить всем, как бесплатное пиво, некое, к тому же одномерное представление о демократии и либерализме западно-американского образца, если не сказать: навязать его всему миру. А то, что попутно одним махом окажутся сданы в архив и исконно конкурирующие концепты политического взаимодействия, произведенные европейской историей идей и внутренне переплетенные с европейскими представлениями о единстве, – такие как солидарность, связность (*Kohäsion*), общее благо, международное право, дипломатия, кооперативность, республика, христианское социальное учение, социал-демократия или даже социализм и коммунизм, – это станет очевидным лишь через пару десятилетий и политически сильно навредит, прежде всего, Европе.

США как «мировой полицейский»

Насколько по-разному интерпретировалось падение Стены в США и Европе показывает ставшая знаменитой статья американского политолога Чарльза Краутхаммера «Однополярный момент», опубликованная в журнале *Foreign Affairs*.⁶ Краутхаммер пишет в ней, что в обозримом будущем США будут единственной властью на всем земном шаре. А остальным государствам не остается ничего иного, как признать притязание США на лидерство.

Эссе Краутхаммера репрезентативно для образа мысли, который желал отвести Соединенным Штатам после холодной войны роль «глобального полицейского». На место Устава ООН с пятью постоянными членами Совета Безопасности ООН, обладающими правом вето и тем самым, из-за разногласий между собой, непрямым образом гарантирующими право на невмешательство во внутренние дела других государств, должен был прийти порядок, определяемый, прежде всего, США и их ближайшими союзниками. Это возглавляемое США международное сообщество, в основном западных государств, должно было в будущем получить возможность независимо от Совета Безопасности ООН действовать против стран, которые Краутхаммер называет «Weapon States» («вооруженные государства»). Под ними он понимал государства, приобретающие оружие массового поражения, включая системы доставки, позднее названные «государства-изгои». Однако эта проектируемая Краутхаммером роль США как «мирового полицейского» противоречила европейской традиции Вестфальского мира 1648 года. С того времени право на «невмешательство во внутренние дела страны» являлось краеугольным камнем международного права. Оно должно было предотвратить развязывание опосредованных войн (как, например, той же 30-летней войны 1618–1648 годов), поскольку затем их, вследствие вовлечения интересов слишком многих сторон, почти невозможно умиротворить. Замысел Краутхаммера был нацелен на устранение из международного права именно этого предохранительного механизма – со всеми вытекающими последствиями, вплоть до сегодняшней войны на Украине.

Примерно через десятилетие после статьи Краутхаммера право на невмешательство было фактически удалено из международного права через ряд инициированных США прецедентов (война в Югославии 1999-го, война в Афганистане 2001-го, война в Ираке 2003-го) и переинтерпретировано в «Обязанность защищать» («*Responsibility to Protect*»). Таким образом на

место Устава ООН пришел «основанный на правилах порядок Запада»: международное право во имя Добра, которое толкуется США в одностороннем порядке.⁷

Европа планирует политический союз, США планируют следующую войну Итак, Фукуяма и Краутхаммер интерпретировали конец Советского Союза как победу в холодной войне. Когда 26 декабря 1991 года Советский Союз окончательно распался и красный флаг над Кремлем был спущен, внутри «вашингтонского кольца» и в университетах Лиги плюща инстинктивно согласились с ними. И уже 18 февраля [1992], то есть менее чем через два месяца после распада Советского Союза, Пол Вулфовиц, тогдашний государственный секретарь по политическим вопросам в Пентагоне, в проекте «Руководство по оборонному планированию на 1994–1999 годы» («Defense Planning Guidance 1994–99») прописывает новое определение американской внешней политики.⁸ Предложенное им новое определение позже стало известно как доктрина Вулфовица: «Наша первая задача, – формулируется там, – состоит в том, чтобы не допустить повторного появления нового соперника, будь то на территории бывшего Советского Союза, либо где-либо еще, который стал бы угрозой такого же порядка, как былой Советский Союз». Мы стремимся, продолжает Вулфовиц, «предотвратить доминирование любой враждебной державы в каком-либо регионе, ресурсы которого под консолидированным контролем могут оказаться достаточными для осуществления глобальной власти».⁹

Здесь уже вполне предъявлены основные черты американского взгляда на мир после холодной войны. Другими словами, через восемь недель после того, как конкурент США покинул мировую сцену, отдельные американские стратеги, как Вулфовиц, уже начали планировать следующую войну. США восприняли окончание холодной войны всего лишь как возможность подготовиться к следующему соперничеству. Идея долгосрочного преодоления геополитической конкуренции или идея объединенной Европы, которую Европа и Москва собирались реализовывать и для чего параллельно работали над договорной основой для совместной архитектуры безопасности в виде Маастрихтского договора о политическом союзе (1992) и ДОВСЕ (1991), – никогда всерьез не рассматривались в США.¹⁰ Россия не должна была получить ни единого шанса.

Экономическая война против России

По сути, политика реформ Горбачёва и Ельцина предоставляла небывалые возможности развития для всего Запада – если бы сделанным Россией предложением о мире смогли воспользоваться. Под зонтиком кооперативного мирного порядка, который покрывал бы пространство от Ванкувера до Владивостока, то есть охватывал бы значительную часть северного полушария, подъем Китая и Индии не составил бы большой проблемы. Однако в Вашингтоне этот вариант развития был отвергнут еще в 1992 году. Тогда было принято решение не помогать России в ее трансформации в рыночную экономику, например, в рамках какой-то новой редакции или варианта плана Маршалла, направлявшего восстановление Европы после 1945 года на мирные рельсы и в конечном счете сделавшего возможной демократию в Европе. Вместо этого было настоятельно предложено провести экономическую шоковую терапию (Джеффри Сакс). При этом России не предоставили финансовую помощь, подобно другим государствам, таким как Чили или Польша, после того как те подчинились так называемому Вашингтонскому консенсусу¹¹. По сути, шоковая терапия – сомнительная неоимперская экономическая политика, бессмысленно разрушающая региональные структуры и делающая страны зависимыми от мирового рынка. Но проводить ее без какой-либо финансовой помощи было проявлением экономической войны, которую сам Запад по-прежнему хотел вести против России, решившейся в 1991 году сбросить оковы коммунизма и двигаться в сторону либерализма. Уже тогда стало очевидным, что «капитализация» России для США была важнее, чем ее «демократизация». Визитной карточкой этого был Макдональдс рядом с Красной площадью!

Таким образом, один из самых рискованных экономических экспериментов – переход от советской государственной экономики к рыночной – был осуществлен почти без финансового обеспечения. Результат не заставил себя ждать: приватизация государственных предприятий и либерализация цен привели к тому, что потребление за год упало на 40%, а треть населения опустилась ниже черты бедности.¹² В то время когда многие российские граждане оказались вынуждены распродавать свое скромное имущество на рынках¹³, а ожидаемая продолжительность жизни мужчин упала до 58,9 лет¹⁴, в стране к 2003 году добавилось еще 17 миллиардеров. За этим последовал продолжавшийся годами отток капитала из России, от которого выиграла западные инвесторы¹⁵, тогда как российское государство было не в состоянии выплатить зарплату своим чиновникам, иногда – месяцами.

Колонизация России

Первое расширение НАТО на восток после воссоединения [Германии] произошло уже в 1994 году – хотя, как теперь известно, были даны заверения, что этого не произойдет.¹⁶ Первоначально в НАТО вступили только Польша, Чехия и Венгрия, то есть восточноевропейские страны, по своей культурной идентичности более связанные с Центральной Европой, нежели с Россией. Принимая это определяющее решение, означавшее разрыв договоренностей, достигнутых в ходе воссоединения Германии, с Россией консультироваться не стали.

В отличие от Европы, для США речь о партнерстве с Россией никогда не шла.

Отношение Соединенных Штатов к постсоциалистической России проявилось также в вышедшей в 1997 году книге влиятельного советника президента Збигнева Бжезинского «Великая шахматная доска: Господство Америки и его геостратегические императивы». Посвященная России глава в ней носит пренебрежительное название «Черная дыра». Хотя Бжезинский не говорит об этом прямо, но в конечном счете он исходит из того, что Россия – это «не-страна», какая-то новая Латинская Америка, которая мечется от одного долгового кризиса к другому и на политику которой можно влиять извне через криминальные сети и подкупленных олигархов. Фактически он отказывает России в праве на собственные интересы, утверждая, что по вопросам безопасности она должна подчиняться НАТО, а по экономическим вопросам – Международному валютному фонду и Всемирному банку. О ее возможных будущих попытках вернуть себе геополитически важное положение он заранее отзывается как о «тщетных».¹⁷ В одном месте Бжезинский с нескрываемым высокомерием даже предлагает разделить Россию на три или четыре части.¹⁸ В другом месте он лапидарно замечает: «Следовательно, потеря территорий не является главной проблемой для России».¹⁹ Такой способ отказа в каком бы то ни было партнерстве с Россией напоминает Версальский договор, посредством которого прежде всего Франция после Первой мировой войны пыталась долгосрочно ослабить Германию. Сегодня историки сходятся во мнении, что этот мирный договор, не дававший Германии никаких перспектив развития, уже предопределил путь к Второй мировой войне. Европа усвоила этот урок еще в 1945 году; американцы же, по-видимому, так этого и не сделали.

Европа в поворотный момент 1989-го хотела последовательным образом согласовывать свои амбиции, планы и договоры с опытом и памятными местами 1918 и 1945 годов. США же так никогда и не поняли суть политических амбиций Европы и не хотели проявлять уважение к России. Европа не смогла настоять на своем. Провал обоих европейских проектов – политического союза и кооперативного мирного порядка – является трагическим следствием этой политически так никогда и не признанной, но фундаментальной евроатлантической схизмы, последним, трагически насильственным выражением которой сегодня предстаёт война на Украине.

Слабая субъектность европейских элит

Так что еще в 1990-х годах в США и Европе существовали разные представления о том, что должно происходить после 1989 года. Американцы думали прежде всего о тех властных переплетениях, которые повлекло за собой внезапное исчезновение их конкурента. Европейцы тем временем, напротив, всё еще пытались извлечь уроки из двух мировых войн и мечтали о надгосударственном правопорядке, который в будущем охватил бы все геополитические конфликтные линии. И две эти позиции с самого начала были структурно несовместимы.

Впрочем, спора между американцами и европейцами не возникло, не было даже открытой дискуссии об этом, если не считать мелких стычек относительно Европейского союза по вопросам безопасности и обороны [ESVU], планы создания которого прорабатывались в начале 1990-х годов и который США, конечно, воспринимали как конкурента НАТО. Как такое возможно?

Ответ заключается в слабой субъектности европейской политики. Тогда как американцы в 1989-м точно знали свои интересы и целеустремленно их добивались, мобилизуя для этого финансовые ресурсы и имея в распоряжении многочисленные трансатлантические сети в науке, обществе и политике, посредством которых осуществляли культурную и политическую гегемонию в Европе, – никто в самой Европе не чувствовал себя ответственным за мировой порядок после холодной войны. Тем более что Европа была занята выстраиванием своего «всё более тесного союза». Как заметил Петер Слотердаик²⁰, после Второй мировой войны Европа разучилась мыслить глобально. Стыд перед историей лишил ее права претендовать на это. Европа упорно настаивала на мире (Frieden), – чтобы затем сотворить из него свое настоящее величие как европейского объединительного проекта. В 1990-е годы (всё еще) не существовало европейского министерства иностранных дел²¹, подразделения по планированию *Grande Strategie à la Europeen* («большой стратегии в европейском стиле») и, прежде всего, не было европейского бюджета для такой стратегии. Имелись, конечно, такие мозговые центры, как Немецкое общество по внешней политике (DGAP) или Фонд науки и политики (SWP), но не было действительной духовной независимости от трансатлантических структур, пронизавших и формировавших Европу в период с 1949 по 1989 год. Оглядываясь назад, координатор федерального правительства по германо-американским отношениям выразился однажды следующим образом: «Могу сказать вам, что за двенадцать лет моей работы в качестве координатора по Америке я сталкивался с тремя типами поведения со стороны американского правительства. В тот момент, когда ты соглашаешься с ними, вы – лучшие друзья, мы обнимаемся, и ты боишься за свои ребра. Когда мы расходимся по второстепенным вопросам, тогда американское правительство говорит, как было с нами, буквально: «Где же ваша историческая благодарность, ведь мы отвоевали и отстаивали свободу и безопасность немцев». Но когда вы расходитесь в подходах к серьезному вопросу, то на стол выкладываются материалы секретных служб, обвиняющие Германию, так что приходится либо подстраиваться, либо получать удар. [...] У американцев очень четкое представление о своих интересах. [...] И соответственно они и реализуются. Такова реальность».²²

После 1989 года Европе не хватало интеллектуального аналитического центра для формулирования собственных позиций, а также воли для их отстаивания. В 1990-х годах Европа была полностью занята задачей «промыслить Европу»²³, то есть выработать собственную идентичность и институциональные структуры для своего политического объединения, и не размещала себя в глобальном контексте, не говоря уже о том, чтобы чувствовать ответственность за него. И вот так, сама того не замечая и не беспокоясь об этом, Европа переняла американское восприятие действительности. Европейские медиа, как показывает детальный анализ²⁴, играли центральную роль в этом моменте [формирования] *pensée unique*, «единомыслия», которое с 1990-х охватило европейский континент.

Европа слишком пристрастилась к своей роли «любимицы» Запада, чтобы через последовательную политическую эмансипацию захотеть – духовно и политически – занять срединное положение между США и поднимающейся Россией – место, собственно указываемое ей картой 1534 года, на которой Европа прочно стоит на русской земле и лишь слегка склоняет голову в сторону Атлантики.

Югославская война и медийное управление европейской политикой

Уже с Артура Шопенгауэра мы в Европе знаем, что *мочь* и *хотеть* – одно и то же, и тот, кто не может сделать то, что хочет, должен хотеть то, что возможно. Для Европы это политически означало подчиняться Соединенным Штатам. Там, где эмансипация оказывалась слишком напряженной, выбор делался в пользу политического и духовного удобства, которое затем быстро превращалось в европейскую уступчивость, если не сказать покорность. Особенно четко это проявилось в югославских войнах (боснийской войне 1992–1995 годов и так называемой косовской войне, первой операции сил НАТО «out of area» [«вне зоны» их ответственности] в 1999 году), омрачивших европейское настроение подъема начала 1990-х. Эти войны бросили тень на Европу и выставили в беспомощном виде ЕС, только-только принявший в Маастрихте решение выстраивать Европейскую политику безопасности. Вереницы беженцев и разрушение бесчисленных населенных пунктов дополнили список европейских злодеяний и цивилизационных провалов. В 1994 году президент Франции Франсуа Миттеран прилетел на один день в Сараево, словно в подтверждение этого европейского бессилия. Но именно США в 1995 году посредством Дейтонских соглашений привели войну к концу, а европейцам продемонстрировали их бессилие. В плане интерпретации собственно военных событий, эта якобы смелая операция США была лишь одним из многих случаев американского вмешательства в европейские события под чужим флагом («*false-flag*»), движимого скорее их собственными стратегическими интересами, чем желанием примирения на Балканах.²⁵ О том, что США не были заинтересованы в миротворчестве на Балканах, также свидетельствуют натовские бомбардировки Сербии в период с 24 марта по 10 июня 1999 года – противоречащее международному праву нападение без мандата ООН. Это стало прецедентом желаемой для США «обязанности вмешиваться».

Ученые уже исследовали югославские войны как информационную войну.²⁶ В США существует восходящий к 1930-м годам так называемый Закон о регистрации иностранных агентов (FARA), предписывающий любому агентству по связям с общественностью, работающему в США по заказам иностранных партнеров, предоставлять свои трудовые договоры американскому Министерству юстиции. Таким образом предполагалось получать сведения о пропагандистской деятельности иностранных правительств. Если изучить документы FARA, касающиеся войны в Югославии, то можно увидеть, что за период 1991–2002 годов 157 американских пресс-агентств получали заказы от различных республик или регионов Югославии.

То есть 157 американских агентств сопровождали пиар-стратегиями войну в Югославии. При этом заметно преобладают пиар-агентства, действовавшие против Сербии или же против сохранения Республики Югославия. Восприятие войны в Югославии в медиа было сформировано профессиональной пиар-работой таким образом, чтобы вмешательство НАТО в войну воспринималось европейцами как необходимое.

На фоне пугающих новостей о злодеяниях в зоне боевых действий, о плане мнимой операции «Подкова»²⁷ и о якобы созданных концентрационных лагерях²⁸ – силы НАТО внезапно оказались *out of area*, Германия проголосовала за использование комплексов АВАКС, а Йошка Фишер изгнал из «Зеленых» всякий пацифизм.

Также и сербская война уже была опосредованной войной Америки на территории Европы, направленной против России. Как позднее было констатировано в отчете ОБСЕ, пред-

положенный (angebliche) геноцид в Косове, давший для США повод бомбить Белград, в такой форме не имел места.²⁹

Но какой толк в позднейших опровержениях? США воспользовались бессилием Европы для того, чтобы утвердиться в качестве игрока на Балканах, расположились в шаге от (ориентированной на Россию) Сербии и далее определяли ход политических событий на (европейских) Балканах, вплоть до последовавшего 18 февраля 2008 года официального признания Косова в качестве независимого государства. Тогда, в результате выступления НАТО в роли глобальной полиции, два из пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН, а именно Россия и Китай, были фактически лишены надлежащих полномочий. И историкам еще предстоит установить, была ли с этим как-то связана произошедшая тогда бомбардировка китайского посольства в Белграде. В любом случае сервильные и пристыженные европейцы с удовольствием поверили американскому рассказу и неловко промолчали.

Up Hill: пробуждение Европы в 1990-е годы

В 1989-м у Европы не было ни стратегии, ни особых политических структур, но были смелые мечты. Политический союз и совместный европейский дом от Лиссабона до Владивостока! – Европа принялась за многотрудную работу. Фундаментом для европейского дома от Лиссабона до Владивостока стали уже упомянутая Парижская хартия ноября 1990-го, а также договор ДОВСЕ 1991 года. В нем очерчивалась идея кооперативного мирного порядка, включая договоренности о контроле над вооружениями и гарантии коллективной безопасности. ДОВСЕ был своего рода политической квинтэссенцией 1980-х годов, породивших под давлением движения за мир и после споров о [не-размещении] американских «першингов» против советских ракет РСД-10 (SS-20) в 1983 году уникальную политику ограничения и сокращения вооружений, чему далее сопутствовали: внутригерманское примирение, легендарная встреча на высшем уровне Рейгана и Горбачёва в Рейкьявике в 1985-м, гласность, оттепель, переговоры по СНВ. Тогда все чуть ли не каждый день пересчитывали ракеты – сколько их сняли с дежурства. Всё это непосредственно предшествовало поворотному 1989-му, вдохновляя надежду на то, что блоковую конфронтацию удастся преодолеть через кооперативный мирный порядок. Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), согласовавшее в 1975 году Хельсинкский заключительный акт, ставший важной вехой тогдашней политики разрядки, в итоге преобразовалось в 1994 году в Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Совещание стало политической институцией.

Маастрихтский договор 1992 года, в свою очередь, заложил краеугольный камень политического союза. Все три архитектора этого договора, Гельмут Коль, Франсуа Миттеран и Жак Делор, принадлежали к поколению детей войны. Отныне европейское объединение больше не означало только «долгой войны» – ведь холодная война принесла Европе как минимум сорок лет «холодного мира». Проект Маастрихтского договора должен был сделать объединение Европы необратимым. С точки зрения Гельмута Коля, сюда же входили общая валюта и Европейская политика в области безопасности и обороны.³⁰ Теперь предстояло заняться и тем и другим, потому что, как не уставал повторять Коль, немецкое и европейское объединение неразрывно связаны (gehören zusammen). То есть Европе был нужен такой же договор об объединении, какой получила Германия в октябре 1990 года.

Путь в валютный союз

Положения Маастрихтского договора 1992 года относительно евро не упали с неба. Раздумья об общей валюте занимали Европу со времен «евросклероза», того интеграционного застоя в 1970-х годах, когда конец Бреттон-Вудской системы привел к бурным валютным колебаниям в Европе. С 1970 года соответствующие планы министра финансов Люксембурга Пьера Вернера лежали наготове в ящике стола. В 1979 году Гельмут Шмидт и Валери Жискар д'Эстен дали им толчок, введя в валютную корзину эю, то есть европейскую искусственную валюту,

которой, однако, можно было торговать на финансовых рынках. В 1986 году тогдашний президент Комиссии Жак Делор позаботился о том, чтобы план введения европейской валюты был включен в Единый европейский акт [ЕЕА]. Затем Ганс-Дитрих Геншер сделал европейскую валюту пунктом повестки дня на Европейском саммите в Ганновере в 1988 году.

Так что этот план уже витал в воздухе еще до падения Берлинской стены. Однако после него открылось то окно истории, через которое общая валюта смогла стать договорной реальностью в Европе.

Реализация Маастрихтского договора была отнюдь не поездкой на пони, но проведением жесткой, очень оспариваемой политики, преодолевавшей серьезное сопротивление.

Франция подготовилась к валютному союзу еще в 1980-х годах, пройдя через болезненную политику *Franc Fort*, сильного франка, и путем дезинфляции приблизив уровень своей инфляции и процентной ставки к показателям немецкой марки.

Для Франции это было невероятным напряжением сил, как и для всех других стран, которые собирались присоединиться к евро, прежде всего для Бельгии и Италии, которые обе не соответствовали критериям вступления в валютный союз.

Когда 20 сентября 1992 года Миттеран проводил референдум по Маастрихтскому договору, который в конечном итоге был выигран с небольшим перевесом, финансовые рынки внезапно бросились дико спекулировать против франка. Вся Европа вздрогнула. Однако в конце концов рынки не стали играть против европейского решения пойти на риск введения общей валюты. В тот момент у Европы имелась и политическая воля, и сила!

Здесь не место и не время для того, чтобы проследить все многоуровневые проблемы Маастрихтского договора. Мы не собираемся и приукрашивать этот договор: все принятые им решения – относительно евро, общей внешней политики и политики в области безопасности, как и об общем пространстве свободы, безопасности и права, – были еще сырыми. Но этот договор стал основанием так называемого европейского дома с тремя колоннами: валюта, внешняя политика и внутренние дела. Договор боролся за федерализацию ЕС, однако федеративный принцип (например, правило принятия решения большинством голосов или равноценность голосов всех государств-членов) не смог пробить себе дорогу.

Европа не стала благодаря Договору ни союзом государств (*Staatenbund*), ни федеративным государством (*Bundestaat*), хотя дебаты по этому поводу и начались в 1990-х годах. Тем не менее в Маастрихте принимается решение о неотъемлемом европейском корпусе основных прав, что также обосновывает европейское гражданство. Еще более усиливается Европейский парламент, уже с 1979 года избираемый прямым голосованием. Фундамент европейского дома был заложен.

Les grands projets européens – большие европейские проекты и европейская душа Жак Делор, французский президент комиссии ЕС в период с 1985 по 1995 год, принялся за политическую реализацию договора. С сегодняшней точки зрения 1990-е можно назвать годами упорного строительства «европейского собора».

В 1992 году Европейское экономическое сообщество становится настоящим внутренним рынком. Товары и продукты поэтому больше не различают по «национальности». Несмотря на закон о чистоте для немецкого пива, теперь на полках супермаркетов [в Германии] можно было найти и другие сорта европейского пива. Также в 1992 году по франко-германской инициативе создается Европейский корпус (*Eurocorps*), форматируется Европейская политика безопасности и обороны (*ESVP*). В 1994 году создается Европейский валютный институт (*European Monetary Institute*), который позднее преобразуется в Европейский центральный банк (*EZB*). Шенгенское соглашение об отмене пограничного контроля, принятое уже в 1985 году, с 1995 года расширяется, образуя европейское пространство свободы, безопасности и права. Кроме того, в обращение входит бордово-красный европейский паспорт, а в качестве европейского гимна используется Девятая симфония Бетховена. Дальнейшее развитие получают ежегодно

меняющиеся, провозглашаемые начиная с 1985 года культурные столицы Европы; к писателям обращаются с призывом осмыслить европейскую идентичность. Все те моменты, которые Жак Делор как председатель Комиссии закрепил уже в Едином европейском акте 1986 года, в 1990-е начинают действенно развертываться. В эти прорывные годы в Европе отчетливо ощущается политическая воля; быть против Европы было политически почти невозможно, пусть даже так называемый разрешительный консенсус уже заметно пошатнулся вследствие введения евро. Быть принципиально за Европу – да, конечно! но пусть уж европейское объединение и заканчивается на валюте, – такую позицию в то время разделяли многие.

Таким образом, в 1990-х годах возникли именно те структурные проблемы, которые до сих пор обременяют ЕС: его механизмы согласования работают не так, как в нормальной демократии. Европейская «трилогия» из Европейской комиссии, совета и парламента – сложный комплекс. Трудно реализовать что-то политически, институты ЕС медлительны. Граждане почти ничего не знают о европейских решениях. Несмотря на самые лучшие намерения стать политическим союзом, ЕС уже на старте имеет дефицит демократии и недостаточную легитимность, и эти открытые институциональные раны до сих пор не залечены. Легитимность и суверенитет ЕС по сей день являются мучительными политическими вопросами, поскольку ключевая проблема так и остается прежней: *кто в ЕС принимает решения?*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.